

Политическое развитие Галицко-Волынской Руси в 1240—1340 гг. и отношения с Ордой

Pётр Стефанович

Political development of Galicia-Volyn Rus in 1240—1340 and relationship with the Horde

Petr Stefanovich

*(National Research University Higher School of Economics;
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)*

DOI: 10.31857/S086956870005909-0

Столетие с 1240 г. до 1340-х гг., очевидно, составляет отдельный период в истории Галицкой и Волынской земель. Монгольское нашествие во многих отношениях оказалось рубежным как для всей Руси, так и для этого региона: возникли новые источники политического господства и формы власти и зависимости, появились новые внешние враги и партнёры, иначе пошло социально-экономическое и культурно-религиозное развитие. Не позднее 1323 г. здесь пала власть Рюриковичей, а после смерти князя Болеслава-Юрия в 1340 г. произошёл распад единства Галицкой и Волынской земель, наметившегося с рубежа XII—XIII вв., и вскоре Волынь попала под власть литовских государей, а Галичина — польских королей.

В литературе последних десятилетий активно обсуждаются проблемы истории Галицко-Волынской Руси в XIII — начале XIV в., в том числе установление зависимости от Монгольской империи и политика галицко-волыньских князей в условиях этой зависимости. Особенно важна история Галицко-Волынской Руси для украинской историографии, которая ищет в ней корни национальной идентичности и обращается к фигуре Даниила Романовича Галицкого (1201—1264), «короля Руси»¹. Даниилу и его эпохе посвящены специальные монографии, вышедшие относительно недавно². В русскоязычной историографии повышенный интерес в последние годы вызывает история Галицко-Волынской Руси в канун, во время и вскоре после монгольского нашествия³. К этой проблематике подключились и польские историки: следует отметить труды Д. Домбровского по генеалогии древнерусских князей и его фундаментальную двухтомную биографию Даниила⁴. Несомненны достижения этой литературы

© 2019 г. П.С. Стефанович

¹ Ср.: *Добрянський О., Яценюк Ф.* Король Данило Романович в українській історіографії // *Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej*. Rok 12 (2014), zeszyt 6: Daniel Romanowicz i jego czasy. S. 95—111.

² *Головко О.Б.* Корона Данила Галицкого: Волинь і Галичина в державно-політичному розвитку Центрально-Східної Європи раннього та класичного середньовіччя. Київ, 2006; *Александрович В., Войтович Л.* Король Данило Романович. Біла Церква, 2013.

³ Ср. обзор соответствующей современной литературы, с преимущественным вниманием к работам А.В. Майорова: *Чебаненко С.Б.* Южная Русь и Прикарпатье (юго-западная Русь) в период монгольского нашествия: проблемы новейшей историографии // *Русин*. 2016. № 1(43). С. 81—94.

⁴ Исследование генеалогии потомков Романа Мстиславича: *Dąbrowski D.* *Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich*. Poznań; Wrocław, 2002. Биография Даниила: *Dąbrowski D.*

как по исследованию давно известных источников, так и по введению в научный оборот новых.

Вместе с тем сохраняются разногласия по частным и общим вопросам. Один из важнейших среди них, трактуемый по-разному, — о степени зависимости Галицко-Волынской Руси от Монгольской империи, а затем Орды. В литературе ещё в XIX в. обозначились две позиции в интерпретации этой зависимости, наиболее последовательно выразившиеся в дискуссии М.С. Грушевского и И.А. Линниченко: один считал эту зависимость относительно «лёгкой» и непостоянной, другой сопоставлял её с системой «ига», сложившейся в Северо-Восточной Руси⁵. В XX в. дискуссия получила продолжение в публикациях Г.В. Вернадского, приведшего дополнительные свидетельства зависимости Галицко-Волынской Руси от Орды⁶, и М.Б. Ждана, поддержавшего Грушевского⁷. Сегодня большинство украинских историков склоняются, скорее, к мнению о «мягкой» или «номинальной» зависимости. Среди российских историков тоже заметен отход от позиции Вернадского. Например, А.А. Горский предлагает отказаться от противопоставления юго-западных и северо-восточных русских земель в пользу более пёстрой картины «региональных особенностей» в зависимости Руси от Орды. Он выделяет четыре типа такой зависимости: в Киевской земле, Новгородской, Суздальской и Галицко-Волынской⁸.

В данной статье предлагается пересмотр политической истории Галицко-Волынской земли в 1240—1340 гг. в контексте отношений её князей с татарами, уточняются отдельные эпизоды этих отношений и заново оцениваются аргументы, высказанные в указанной дискуссии.

Для правильного восприятия событий политической истории важно понимать особенности документов, которыми мы располагаем. История Галича и Волыни в 1240—1340 гг. обеспечена источниками очень неравномерно. Основной «поставщик» исторической информации — так называемая Галицко-Волынская летопись (ГВЛ), дошедшая до нас в составе Ипатьевской летописи. Она заканчивается известиями о событиях зимы 1289/90 гг., и далее источников, происходящих из этой части Руси, за исключением нескольких актов, практически нет; её история восстанавливается лишь в самых общих чертах по отрывочным, часто неточным иностранным источникам.

Первоначально ГВЛ не имела обычной для древнерусских летописей анналистической формы. Но из двух основных списков Ипатьевской летописи — Ипатьевского (конец 1420-х гг.) и Хлебниковского (около 1560 г.) — первый, существенно более древний, был искажён позднейшей вставкой в ГВЛ годовой

Daniel Romanowicz król Rusi (ok. 1201—1264). Biografia polityczna. Kraków, 2012; *Dąbrowski D.* Król Rusi Daniel Romanowicz. O ruskiej rodzinie książęcej, społeczeństwie i kulturze w XIII w. Kraków, 2016.

⁵ См.: *Грушевський М.С.* Історія України-Руси. Т. III. Львів, 1905. С. 100—103. И.А. Линниченко высказывался по этому поводу в разных публикациях, см. последнюю: *Линниченко И.А.* Замечания на статью проф. И. Режабка и дополнения к ним // Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси. Сборник материалов и исследований. СПб., 1907. С. 90—101, 109—112.

⁶ *Vernadsky G.* The Royal Serfs (*Servi Regales*) of the «Ruthenian Law» and their Origin // *Speculum*. 1951. Vol. 24. № 2. P. 255—264; *Вернадський Г.В.* Монголи и Русь. М., 2011. С. 230—250.

⁷ *Zdan M.B.* The Dependence of Halych-Volyn' Rus' on the Golden Horde // *The Slavonic and East European Review*. 1957. Vol. 35. № 85. P. 505—522; *Ждан М.* До питання про залежність Галицько-Волинської Русі від Золотої Орди // *Український історик*. 1967. № 1—2. С. 23—38; № 3—4. С. 95—102; 1968. № 1—4. С. 69—81.

⁸ *Горский А.А.* Утверждение власти Монгольской империи над Русью: региональные особенности // *Исторический вестник*. 2014. Т. 10(157). С. 58—79.

сетки, очень мало соответствующей реальным датам⁹. Главным образом из-за этого, помимо классического издания ГВЛ по Ипатьевскому списку А.А. Шахматова¹⁰, предприняты и издания по Хлебниковскому списку. Последнее издание такого рода подготовили совсем недавно польские историки Д. Домбровский и А. Юсупович¹¹. В этом издании в предисловии представлены история и описание списков ГВЛ, обсуждаются проблемы её текстологии и хронологии, изложено актуальное состояние её исследований, а сам текст ГВЛ снабжён историческими комментариями, учитывающими новейшую литературу на разных языках¹². В недавней работе А. Юсуповича обобщаются наблюдения автора над историей сложения и составом ГВЛ¹³.

ГВЛ довольно чётко делится на две части: первую, удачно названную Л.В. Черепниным «Летописец Даниила Галицкого»¹⁴, и вторую — летописание владими́ро-во́лыньских князей. Граница между частями явственно выявляется не только текстологически, но и лингвистически¹⁵. «Летописец» изначально представлял собой не летопись в собственном смысле слова, а рассказ, написанный в свободной форме и последовательно повествующий о жизни и деятельности князя Даниила Романовича. И «Летописец», и в целом ГВЛ трудно вписывать в какие-либо литературно-типологические рамки¹⁶.

«Летописец Даниила Галицкого» не дошёл до нас в цельном и законченном виде. Начало и конец его сбиты (повествование обрывается в середине рассказа об участии Романовичей в походе Бурундая на литовцев в 1258 г.). В нём видны те или иные текстологические «швы», перебои последовательного нарратива и анахронизмы. Одни исследователи пытались объяснить эти особенности текста тем, что «Летописец» был сводом, объединившим предшествующее летописание разных авторов¹⁷. Другие представляют его «собранием повестей», совершенно независимых друг от друга¹⁸. Есть исследователи, видящие в «Летописце» некое авторское сочинение, хотя и не вполне законченное — сохранившееся

⁹ Хронология восстанавливается путём сравнения ГВЛ с другими источниками. См. реконструкцию: *Грушевський М.С.* Хронольо́гія подій Галицько-Волинської літописи // *Записки Наукового товариства ім. Т.Г. Шевченка*. Т. XLI. Львів, 1901. С. 1—72.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1908.

¹¹ *Kronika halicko-wołyńska (Kronika Romanowiczów)*. [=Monumenta Poloniae Historica. Seria II — T. XVI]. Kraków, 2017.

¹² Ср. также польский перевод ГВЛ этих же авторов: *Kronika halicko-wołyńska. Kronika Romanowiczów*. Kraków; Warszawa, 2017. Сохраняет значение также издание ГВЛ по Хлебниковскому списку Н.Ф. Котляра, главным образом благодаря русскому переводу и комментарию: *Галицко-Волинская летопись. Текст. Комментарий. Исследование*. СПб., 2005.

¹³ *Jusupović A.* *Kronika halicko-wołyńska (Kronika Romanowiczów) w latopisarskiej kolekcji historycznej*. Kraków, 2019.

¹⁴ См.: *Черепнин Л.В.* Летописец Даниила Галицкого // *Исторические записки*. Т. 12. М., 1941. С. 228—253.

¹⁵ Ср. в последней работе: *Юрьева И.С.* Лингвистические параметры стилистических различий между Галицкой и Волинской летописями // *Письменность Галицко-Волинского княжества: историко-филологические исследования* / Jitka Komendová a kol. Olomouc, 2016. С. 65—78.

¹⁶ См.: *Комендова Й.* Жанр Галицко-Волинской летописи в типологической перспективе // *Письменность Галицко-Волинского княжества...* С. 79—90.

¹⁷ См., например: *Генсьорский О.І.* Галицько-Волинський літопис (процесс складання, редакції і редактори). Київ, 1958; *Паиццо В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волинской Руси. М., 1950. С. 17—133.

¹⁸ *Котляр Н.Ф.* Галицко-Волинский свод: летопись или собрание повестей? // *Средневековая Русь*. Вып. 6. М., 2006. С. 119—137.

ся то ли в не до конца согласованных «редакциях» (последняя из них пришлась уже на время после смерти Даниила в 1264 г.)¹⁹, то ли в черновом варианте²⁰.

«Волинская» часть ГВЛ, начинающаяся с известий о событиях 1259 г. (статья 6769 (1261) г. Ипатьевского списка), наиболее пространно и ярко рассказывает о княжении во Владимире-Волинском Владимира Васильковича до его смерти в 1288 г. В литературе отмечались довольно подробные сведения, относящиеся к Литве, и антитатарская направленность «придворной» волинской летописи. Детальное описание последних дней жизни тяжело болевшего Владимира Васильковича переходит почти в биографию или в «нечто близкое житию», как писал В.Т. Пашуто. Это описание в каком-то смысле похоже на «Летописец Даниила», сконцентрированный на деяниях своего героя и всячески прославляющий его. Владимиро-Волинский автор и продолжал, и редактировал «Летописец», так или иначе ориентируясь на него²¹.

Накануне монгольского нашествия на Русь Даниил Романович, действовавший заодно с младшим братом Васильком, владел Волинской землёй и вёл борьбу за Галич и Киев главным образом с Михаилом Всеволодичем, князем из черниговских Рюриковичей. Последний, если занимал Киев, отдавал Галич своему сыну Ростиславу. У владимиро-суздальских князей — Юрия Всеволодича, а после его гибели на р. Сить в 1238 г. — у его брата Ярослава были дружественные отношения с Романовичами²². Стремительные события нашествия повлекли гибель и перемещение населения и перегруппировку политических сил. Эти события изложены в ГВЛ с явными переборами в хронологии и последовательности, и в их реконструкции нет полной ясности.

Батыевы полчища обрушились на южную Русь в 1239—1240 гг. Видимо, зимой 1239/40 гг. Михаил Всеволодич бежал из Киева «перед татары» сначала в Венгрию, затем в Силезию, а потом уже в 1241 г. оказался в Кракове. В начале 1240 г. Галич и Киев занял Даниил, посадивший там своих наместников²³. Однако в конце этого года, ещё до взятия Киева²⁴, он вместе с семьёй тоже бежал из Руси сначала в Венгрию, а затем в Польшу²⁵. Захватив Киев, монгольская армия стремительно двинулась через Галичину и Волинь в Венгрию и Польшу, видимо, разными отрядами по нескольким направлениям. Серьёзного сопротивления она не встретила. Большинство галицких и волинских городов, включая столичные Галич и Владимир, монголы разграбили и опустошили за несколько недель в конце 1240 г.

Западный поход Батыя продолжался весь 1241 г. Весной 1242 г. он начал движение назад, через Карпаты на восток, но это движение «не было поспеш-

¹⁹ Ужанков А.Н. Проблемы историографии и текстологии древнерусских памятников XI—XIII веков. М., 2009. С. 287—371.

²⁰ Аристов В.Ю. Свод, сборник или хроника? (о характере древнерусских летописных памятников XI—XIII вв.) // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2013. № 1. С. 118—121.

²¹ Пашуто В.Т. Указ. соч. С. 101—109, 121.

²² См. о раскладе сил на Руси перед нашествием в недавней работе: Хрусталёв Д.Г. Русь и монгольское нашествие (20—50 гг. XIII в.). СПб., 2017.

²³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 782—784.

²⁴ Источники сохранили сведения о двух датах взятия монголами Киева — 19 ноября и 6 декабря 1240 г. Обе даты возможны, хотя автор последней работы на эту тему склоняется ко второй: Майоров А.В. Две даты взятия Киева монголами в русских летописях // Русская литература. 2016. № 2. С. 51—59.

²⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 786—788.

ным»²⁶, и только к концу 1242 г. монгольские Орды сосредоточились в низовьях Дуная и двинулись затем в причерноморские и прикаспийские степи. В это время бежавшие князья стали возвращаться на Русь, пытаясь восстановить порядок в своих «отчинах». ГВЛ сообщает, что Романовичи вернулись во Владимир-Волынский уже в начале 1241 г. и, в основном, установили контроль над Волынью. Оказав помощь Михаилу Всеволодичу, они признали его власть над Киевом²⁷. Однако предстояла борьба за Галич.

Даниил пытался проводить жёсткую политику и прибег к репрессиям против виднейших галицких бояр. Последние, недовольные методами правления Даниила, теоретически могли предложить галицкий престол либо венгерскому королю, либо Михаилу Всеволодичу. Но Венгрия в этот момент опустошалась войсками Батыя, а венгерский король бежал в Хорватию. Михаила связывали договорённости с Даниилом, и его внимание было сосредоточено на Киеве. Предводителем галичан выступил Ростислав Михайлович.

В сообщениях о разгоревшемся конфликте Даниила и Ростислава из-за Галича важно упоминание загадочных «болоховских князей». ГВЛ сообщает о них в рассказе о том, как ещё в 1241 г. или в начале 1242 г. Ростислав попытался выбить наместников Романовичей в галицком Понизье, опираясь как раз на поддержку этих «болоховских князей»²⁸. Болохов был, вероятно, небольшим городком в пограничной области на пути из Киева в Галич. Топографически и археологически он до сих пор не идентифицирован, и неясно, почему он дал обозначение группе «князей» и кем, собственно, они являлись.

В литературе предлагались объяснения этой проблемы в двух направлениях — в них видели маргинальную ветвь Рюриковичей либо неких «земских» (племенных, общинных) предводителей. Известие ГВЛ об этом походе Ростислава и «болоховских князей» заканчивается сообщением о победе над ними Романовичей и разорении Даниилом «земли болоховской», причём автор замечает, что болоховцев «оставили татарове, да им орют пшеницу и проса», и что они «от тотар болшую надежу имѣаху». Очевидно, это население, признавшее власть монголов на постоянной основе, причём уже в ходе нашествия Батыя или вскоре после него в конце 1240 — начале 1241 г. На это обстоятельство делают упор авторы работы, посвящённой «болоховским князьям», предлагая интересные решения вопросов летописной текстологии и заключая, что под ними подразумевались некие начальники, поставленные монголами над населением, обязанным снабжать их хлебом и фуражом²⁹.

Кто бы ни были эти «болоховские князья», их выступление в Понизье закончилось неудачей. Потом галицкие бояре повели Ростислава в Галич, но конфликт прервали татары. Летопись пишет, что Даниилу, находившемуся в Холме (его новой резиденции), принёс сообщение некий дружественный ему половец: Батый, двигаясь в степи из Венгрии, «отрядил есть на тя два богатыря возискати тебе Манъмана и Балаа». Эти два монгольских воеводы (темника?) дошли до Володавы, городка выше Холма по течению Западного Буга, хотя не взяли городов. Другие татарские отряды «розгнаше» Ростислава уже в Киев-

²⁶ Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М., 2009. С. 27.

²⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 786—789.

²⁸ Там же. Т. 2. Стб. 791—792.

²⁹ Толочко О., Ричка В. «Князи болоховсьции» // *Ruthenica*. Т. XIII. Київ, 2016. С. 83—107.

ской земле, и тот бежал в Венгрию³⁰. События происходили, видимо, в 1242 г., скорее к концу года.

Вмешательство татар — важный знак. Собственно, это первый пример, когда уже после нашествия татары оказали прямое силовое давление на князей Галицко-Волынской Руси. Данное известие, важное само по себе, привлекает внимание современных историков ещё и из-за того, что его можно сопоставить с одним венгерским документом, сообщающим, что до апреля 1244 г. Даниил уже встречался с неким «татарским князем». Речь идёт о жалованной грамоте короля Белы IV некоему Николаю сыну Обичка из Суд (*Nicolaus filius Obichk de Zyud*), выданной 22 апреля 1244 г., где говорится о заслугах Николая на дипломатической службе королю³¹.

Грушевский знал об этой грамоте, но не был уверен в её аутентичности и датировке. Лишь недавно М.М. Волощук фактически заново ввёл её в научный оборот, убедившись в достоверности даты и сведений (грамота сохранилась в подлиннике и ранних копиях)³². Среди этих сведений есть сообщение, что Николай ездил с посольством на Русь и в Болгарию. Сообщение перевёл с латинского на русский язык А.В. Майоров, но его перевод неточен, и я привожу здесь оригинал со своим переводом: *Nicolaus «ad partes Ruscie et ad partes Bulgarie in nostra legacione profectus, ab illustrissimo duce Danela, qui, Tartarorum principe visitato ad propria rediens, universum statum Tartarorum, prout viderat et cognoverat, edisserendum nobis promiserat, stili officio conditum reportavit»*, — т.е.: Николай, «отправленный с нашим (короля. — П.С.) посольством в земли Руси и в земли Болгарии, передал в письменном отчёте от светлейшего герцога Даниила, который, после посещения князя татар возвращаясь восвояси, обещал нам подробно рассказать общее состояние дел у татар, как он это видел и раз-узнал»³³.

Пассаж сформулирован не очень удачно, но смысл его ясен: автор грамоты имел в виду, что Николай в специальном отчёте сообщил королю о состоянии дел у татар со слов князя Даниила, который только что нанёс визит их предводителю (*Tartarorum principe*). Николай, очевидно, был славянином, способным объясняться с русью (как и с болгарами, к которым он тоже ездил). Где и когда именно встречался венгерский посол с Даниилом, не ясно, но сказано, что владимирский князь возвращался из татарских кочевий, познакомившись с их бытом.

³⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 793—794.

³¹ *Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae*. Т. 2. Bratislavae, 1987. Nr. 150. P. 100—102. Под Судом (*Zyud*) следует понимать, как указывают издатели грамоты, деревню Судовце в современной Словакии.

³² Волощук М. Проблема кількості візитів Данила Романовича in *Tartaria*: джерелознавчий аналіз угорського диплому від 22 квітня 1244 р. // Дрогоичинь 1253. Матеріали міжнародної наукової конференції з нагоди 755-ї річниці коронації Данила Романовича. Івано-Франківськ, 2008. С. 18—36 (здесь перепечатан полностью и текст грамоты).

³³ Ср. перевод А.В. Майорова, неправильно устанавливающего связь между лицами и глаголами: «В русские и болгарские земли он (Николай. — А.М.) отправлялся послом от нас, обещал нам подробный рассказ светлейшего герцога Даниила, который, повидав принца Тартар, возвращался домой и поэтому видел и разузнал положение дел у татар и при помощи пера донёс разведанное» (Майоров А.В. Даниил Галицкий и «принц Тартар» накануне нашествия Батыя на южную Русь. Данные венгерских и русских источников о контактах Даниила с татарами // Русин. 2013. № 1(31). С. 53).

Как предполагал первоначально Грушевский³⁴ и как считают современные исследователи³⁵, сообщение грамоты отсылало к относительно недавним событиям и, скорее всего, связано с упомянутым в ГВЛ набегом Манмана и Балая. Результатом набега должны были стать какие-то переговоры монголов с Романовичами, подразумевавшие признание ими верховной власти Батыя. Правда, Майоров выдвинул предположение, что речь шла о встрече Даниила с монголами не в 1240-х гг., а ещё во время их нашествия на Русь в конце 1239 г., и Даниил тогда даже заключил союз с ними против Михаила Всеволодича³⁶. Известие о Манмане и Балае, по мнению историка, имело в виду не военную акцию, а встречу представителей Батыя с князем для подтверждения его уже ранее установленных вассальных обязательств³⁷.

Главным основанием для гипотез Майорову служат чтения летописей группы так называемого Новгородско-Софийского свода (Софийская первая, Новгородская четвёртая и др.) в пассажах, параллельных ГВЛ. На основе этих чтений, особенно одной фразы о каких-то договорённостях русских князей в 1239 г.³⁸, автор реконструирует некий первоначальный вариант «Повести о нашествии Батыя». Между тем давно выяснено, что составители протографа этой летописной группы, работавшие в начале XV в., заимствовали известия по истории южной Руси XIII в. из летописи, близкой Ипатьевской, но часто с неудачными перестановками текста, переделками и т.п., видимо, просто из-за непонимания своего источника (что совсем неудивительно: текст ГВЛ, как говорилось выше, сбивчив и вообще труден для восприятия). Всё указывает на то, что фраза, так заинтересовавшая Майорова, просто случайно попала не на своё место (именно вследствие составного характера «Новгородско-Софийского свода»). Трудно согласиться со сложными текстологическими и историческими реконструкциями Майорова, пытающегося на основе пересмотра соотношения текстов ГВЛ и позднейших летописей «Новгородско-Софийского свода» кардинально пересмотреть политическую историю эпохи монгольского нашествия на Русь³⁹.

Таким образом, сопоставляя данные жалованной грамоты венгерского короля и известие ГВЛ, следует думать, что набег Манмана и Балая имел целью заставить Даниила признать господство монголов⁴⁰, и что за ним последовала поездка князя в их кочевья. Скорее всего, Даниил встречался с Могучеем (Моуци), кочевавшим в Приднепровье⁴¹, о котором позднее сообщает ГВЛ. Но в любом случае он не виделся с Батыем, который не мог выступать под титулом

³⁴ Грушевський М.С. Історія України-Руси. Т. III. С. 66, примеч. 3.

³⁵ См.: Dąbrowski D. Daniel Romanowicz król Rusi... S. 241–242.

³⁶ Майоров А.В. Повесть о нашествии Батыя в Ипатьевской летописи. Ч. 1 // *Rossica antiqua*. 2012. № 1(5). С. 33–94, особенно 67–70; Майоров А.В. Завоевание русских земель в 1237–1240 годах // *Золотая Орда в мировой истории*. Казань, 2016. С. 97–98.

³⁷ Майоров А.В. Русские князья после нашествия Батыя: борьба за Галич и Киев // *Stratum plus*. 2016. № 5. С. 49–53.

³⁸ См., например: ПСРЛ. Т. 4. Вып. 1. СПб., 1915. С. 223.

³⁹ Ср. также критику построений А.В. Майорова: Dąbrowski D. Daniel Romanowicz król Rusi... S. 208–209.

⁴⁰ Ср. оценку набега как целенаправленной акции именно против Даниила, возможно, даже с целью его поимки: Димник М. Борьба за Галич между Даниилом Романовичем и Михаилом Всеволодовичем (1235–1245 гг.) // *Rossica antiqua*. 2013. № 1(7). С. 91.

⁴¹ Джованни дель Плано Карпини. История монголов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. СПб., 1911. С. 48.

princeps и был бы прямо назван в грамоте. Если связывать поездку Даниила к татарам с набегом Манмана и Балая, её надо относить к периоду примерно с середины 1242 г. до начала 1244 г.

В любом случае, Романовичи уже вскоре после возвращения Батыя из западного похода должны были признать зависимость от монголов в той или иной форме. Иначе трудно объяснить, каким образом они дальше могли не только удерживать Волынь, но и продолжать борьбу за Галич, тем более что в неё включился венгерский король Бела IV. В 1243 г. Ростислав, бежавший в Венгрию, женился на дочери короля и фактически оказался его ставленником в войне за Галич. В ГВЛ сообщается о двух попытках Ростислава вторгнуться в Галицкую землю с помощью венгров — в 1244 и 1245 гг. Второй поход закончился знаменитой битвой под Ярославом 17 августа 1245 г. Летописец Даниила описывает её в подробностях и с большим воодушевлением заканчивает описание торжественной реляцией о победе князя⁴².

Трудно судить на основании пафосного летописного рассказа о настоящем размахе битвы, но, судя по всему, победа Романовичей действительно имела большое политическое значение. Об этом говорит прежде всего тот факт, что на неё последовала незамедлительная реакция татар. Когда братья вернулись на Волынь, к ним пришёл посол от Могучея (Моуци) — предводителя одной из орд Батыя, кочевавших в южнорусских степях. Суть посольства сформулирована предельно кратко: «Даи Галич», — требовал у Даниила Могучей⁴³. Очевидно, победу Романовичей у Ярослава татары поняли как установление неоспоримой власти Даниила над Галичем. Однако настоящими хозяевами были теперь именно татары. Требование Могучея подразумевало, видимо, что Даниил должен отдать ему Галицкую землю под его прямое управление (установленное татарами над некоторыми областями Руси — той же «Болоховской землей» или Переяславлем). Единственным способом оспорить это требование оставалась апелляция к тому, кто стоял выше Могучея — хану Батыю. И Даниилу, не желавшему, как писал его летописец, отдавать никому «полу отчины своей», пришлось пойти по этому пути.

Поездка Даниила в ставку Батыя на Волгу, тоже довольно подробно описанная в ГВЛ, является одним из самых известных мест этой летописи. Она началась, по точному указанию источника, 26 октября 1245 г. и закончилась весной 1246 г.⁴⁴ Хотя в её описании сказывается резко отрицательное отношение летописца к монголам и влияние религиозных и литературных установок⁴⁵, оно сделано явно со слов очевидца, и её подробностям (о языческих обрядах монголов, действиях Даниила) вполне можно доверять⁴⁶.

Главный политический итог этой поездки — «взаимное признание»: Батый не убил Даниила и не поставил под сомнение его «отчинные» права, а тот фактически признал себя вассалом монгольского хана. И об этом ясно сказал

⁴² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 794, 797, 800—805.

⁴³ Там же. Стб. 805—806. Ср. более правильную передачу текста летописи в этом месте: *Kronika halicko-wołyńska* (*Kronika Romanowiczów*). S. 287.

⁴⁴ О точном времени завершения поездки идёт дискуссия, см.: *Dąbrowski D. Daniel Romanowicz król Rusi...* S. 268.

⁴⁵ Ср.: *Ставицкий В.И.* Читаем Галицко-Волынскую летопись // *Ruthenica*. Т. X. Київ, 2011. С. 241—250.

⁴⁶ Ср.: *Гальперин Ч.* Татарское иго. Образ монголов в средневековой России. Воронеж, 2012. С. 64.

летописец. Сначала, горестно восклицая о «злой чести татарской», которой удостоился русский князь, он указал на вступление Даниила в вассальную зависимость: «Нынѣ съдѣти на колѣну и холопом называется(я), и дани хотять», а в конце рассказа подвёл итог: «Отпущенъ быс(ть), и поручена быс(ть) земля его ему, иже бѣаху с ним»⁴⁷. Последние слова подразумевают, что Даниил получил разрешение (вероятно, в виде ярлыка, хотя о нём в летописи не упоминается) владеть всеми территориями, которыми он (вместе с братом Васильком) располагал перед поездкой — т.е. Волынской и Галицкой землями. Сомнения в смысле этих слов, высказанные А.Н. Ужанковым, не оправданы. Исследователь понимает слово «земля» буквально, удивляется, как это вся земля могла быть с Даниилом, и пускается в сложные исторические реконструкции⁴⁸. Очевидно, однако, что данное слово выступает здесь в собирательном смысле, обозначая все (разнообразные) владения Даниила, и в таком смысле с ним согласованы — по правилам грамматики древнерусского языка — местоимение «иже» (которая) и глагол во множественном числе в придаточном предложении («беаху»).

Эта поездка положила конец неопределённости в отношениях Романовичей с татарами и стабилизировала политическую ситуацию внутри и вокруг Галицко-Волынской Руси. Летописец прямо связывает с ней союз Даниила и венгерского короля Белы IV, последовавший уже в 1246 г. и скреплённый браком Льва, старшего сына Даниила, с дочерью короля. Тут же сообщается в ГВЛ и о том, что Романовичи послали своего ставленника Кирилла к Константинопольскому патриарху для утверждения в «митрополье Руской»⁴⁹. Когда именно произошло поставление Кирилла в митрополичий сан, не ясно, но очевидно, что именно к концу 1246 г. Даниил мог единолично решать вопрос о занятии Киевской кафедры (с конца 1240 г. пустовавшей). В сентябре этого года погибли два других русских князя, претендовавших на Киев: Ярослава Всеволодича владимирского отравили в Каракоруме, а Михаила Всеволодича казнили в ставке Батыя⁵⁰. Романовичи остались в южной Руси безоговорочно сильнейшими русскими князьями. И базировалась их власть на татарском признании, хотя это обстоятельство не воспринималось (по крайней мере, летописцем Даниила) как служащее их чести.

В чём конкретно выражались вассальные обязательства Даниила, ГВЛ не сообщает, за исключением приведённого выше упоминания о «данах», которые «хотели» татары. Более того, в последующем летописном рассказе о событиях конца 1240-х — начала 1250-х гг. говорится почти только об отношениях Романовичей с западными соседями, и апогеем его является сообщение о принятии Даниилом королевского «венца» от римской курии (1253). О татарах летописец специально не упоминает, за исключением одной фразы как раз в этом сообщении. Говоря о колебаниях князя, принимать ли королевский титул, летопи-

⁴⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 808.

⁴⁸ Ужанков А.Н. Проблемы историографии... С. 329 и след.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 809.

⁵⁰ Объективно смерть обоих была скорее выгодна Романовичам, но подозревать их в каких-то кознях против Ярослава и Михаила нет оснований, или в случае с Михаилом только чисто теоретические. См.: Горский А.А. Гибель Михаила Черниговского в контексте первых контактов русских князей с Ордой // Средневековая Русь. Вып. 6. М., 2006. С. 150—153; Горский А.А. Установление взаимоотношений Монгольской империи и Руси: казус Ярослава Всеволодича // Исторический вестник. Т. 25. М., 2018. С. 30—39.

сец приводит его слова: «Рать татарская не престаеть, злѣ живущи с нам(и)»⁵¹. Очевидно, Даниил, пытаясь получить поддержку Запада, вёл двойственную политику, что вело к «рати» и «злу» от татар.

О конкретных столкновениях Даниила с татарами ГВЛ сообщает только применительно к 1253—1255 гг., когда в степях к югу от Галицкой земли кочевали орды Куремсы (Курумиши у Рашид ад-Дина). Два эпизода связаны упоминаниями о неверности русскому князю городов Бакоты (галицкое Понизье) и Кременца (на восточном галицко-волынском пограничье). В обоих случаях летописец обвиняет городских начальников — в Бакоте некоего Милея, в Кременце Андрея — в том, что они «на двое будущу»: то признавали власть Даниила, то предавались татарам. При этом в Бакоте вместе с Милеем упоминается баскак, а про Андрея говорится, что он пытался оправдаться перед Куремсой какой-то «Батыевой грамотой»⁵². Неясно, кем были Милей и Андрей, каков их статус, но надо думать, что татары на них смотрели как на своих подданных, а значит некоторые галицкие и даже волынские территории, лежавшие ближе к степи и Киевской земле, находились в тот момент под прямой властью татар — видимо, подобно «Болоховской земле»⁵³. Даниилу было трудно контролировать эти территории, и не случайно летописец тут же рассказывает о попытке отобрать у него Галич неким Изяславом, рассчитывавшим на поддержку татар⁵⁴. Такого рода атаки каких-то случайных лиц можно было отбить, но трудно было иметь дело с самими татарами, особенно если они предпринимали целенаправленные карательные акции.

Летописец сообщает об одной такой акции в 1255 г. со стороны Куремсы, когда тот только благодаря «чуду велику» не взял Луцк, хотя организовал полноценную его осаду⁵⁵. Около 1256—1257 гг. в степях Куремсу сменил темник Бурундай, видимо, проводивший целенаправленную политику усмирения непокорных подданных в рамках мер по контролю над населением, предпринятых по всей Монгольской империи в 1250-х гг.⁵⁶ В 1258 г. он пришёл на Волынь «с силою великою» и заставил Романовичей участвовать в походе на литву и ятвягов, причём Даниил не рискнул лично появиться перед темником и прятался. В 1259 г. Бурундай пришёл снова и створил «велику опалу» на Романовичей, представленных опять одним Василько, — Даниил бежал к полякам, а потом к венграм. На этот раз Васильку пришлось не только участвовать в военной акции татар (теперь в Польшу), но и уничтожить укрепления в двух из трёх главных городов Волыни — Владимире и Луцке (третий — Холм, резиденция Даниила — избавился от татар только хитростью)⁵⁷. В этой акции и фактически, и символически выразилось полновластие татар над Галицко-Волынской Русью.

⁵¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 826.

⁵² Там же. Стб. 828—829.

⁵³ Ср.: Насонов А.Н. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси // Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Историко-географическое исследование. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. СПб., 2006. С. 233—234.

⁵⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 829—830.

⁵⁵ Там же. Стб. 840—842.

⁵⁶ См. подробнее об этой имперской политике: Allsen T. Mongol Imperialism: The Policies of the Grand Qan Mongke in China, Russia, and Islamic Lands, 1251—1259. Berkeley, 1987.

⁵⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 846—855.

С этого момента в Ипатьевской летописи начинается «волынская часть». Точка зрения автора и ракурс его интереса меняются. Летописец более внимателен к внутрикняжеским отношениям в размножившейся семье Романовичей, причём смотрит на них именно из владимирской перспективы. По летописи, после смерти Даниила Романовича в 1264 г. «отцом» его сыновей стал считаться Василько, как и при жизни брата, правивший во Владимире-Волынском. Однако все сыновья Даниила, живые на момент его смерти, имели доли в Волинской земле: старший, Лев, получил Белз, средний, Шварн — Холм и Дорогичин, младший, Мстислав — Луцк⁵⁸. Очевидно, Романовичи смотрели на Волынь как на общую «отчину», а Галич считали отдельным приобретением Даниила. Галич с Перемышлем получил Лев, которого отец ещё с конца 1230-х гг. брал с собой для участия в галицких делах.

Распределение «волостей» изменилось после смерти в 1268—1269 гг. Василька Романовича и Шварна Даниловича⁵⁹. Единственный сын Василька Владимир получил в наследство Владимир-Волинский. Владения бездетного Шварна перешли к Льву, передавшему их своему совершеннолетнему сыну Юрию. Фактически Лев стал сильнейшим среди своей «братии», но формально его статус равнялся статусу его родного брата Мстислава и двоюродного Владимира Васильковича. Владимирский летописец даёт понять, что отношения братьев были далеко не идиллическими, обвиняя Льва в разных «льстях» (обманах и коварствах). Очевидно, логика политической борьбы вела старшего брата к усилению его власти за счёт слабейших родственников.

Противоречия между братьями обострились тогда, когда бездетному Владимиру пришлось решить, как распорядиться княжеством. Летописец передаёт и текст его завещания, и его переговоры в конце 1287—1288 гг. с Мстиславом Даниловичем, выбранным владимирским князем в наследники, а также со Львом и Юрием. Естественно, Лев и Юрий были недовольны этим решением и стали требовать своей доли наследства. Они претендовали на Берестье, соседнюю волость к принадлежавшей им области с Дорогочином и Мельником (области, позднее называвшейся Подляшье). Владимир им отказал, но после его смерти (10 декабря 1288 г.) о несогласии с завещанием заявил Юрий Львович, договорившийся весной 1289 г. с жителями Берестья и соседних Каменца и Бельска, что они примут его князем. Мстиславу удалось отстоять свои волости лишь пригрозив и Юрию, и его отцу войной в союзе с татарами. Услышав про планы Мстислава «возводить татар», Лев, как злорадно пишет владимирский летописец, «убояся того велми, — и еще бо ему не сошла оскоми́на Телебужины рати»⁶⁰. Юрию пришлось оставить Берестье.

Итак, до войны дело не дошло только из-за угрозы вмешательства татар. Такой исход конфликта представляется весьма характерным для политической системы, сложившейся в Галицко-Волинской Руси, где верховная власть и давление Орды стали важным и неизменным фактором. Из летописи это хорошо видно не только по описанию конфликта Юрия Львовича и Мстислава Даниловича. Так, владимирский летописец, рассказывая ещё о первоначаль-

⁵⁸ Грушевський М.С. Історія України-Руси. Т. III. С. 92; Крип'якевич І.П. Галицько-Волинське князівство. Львів, 1999. С. 135. Иногда указывают, что Галич достался Шварну (Пашуто В.Т. Указ. соч. С. 289), но это явно ошибочное понимание летописного текста.

⁵⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 869—870.

⁶⁰ Там же. Стб. 928—930.

ном решении Владимира Васильковича назначить наследником Мстислава и огласить своё завешание, подчеркнул, что оглашение произошло во время похода на Польшу, организованного ордынскими ханами Телебугой (Тула-Бугой) и Алгуем (1287). Галицко-волынские князья обязаны были присоединиться к татарам, и именно в присутствии татарских властителей — «при ц(е)с(а)рих и при его рядьцах» — Владимир объявил о своём завешании, согласовывая его таким образом с ними⁶¹. Как следует из записи на Волынской Кормчей, в 1286 г. Владимир ездил к Ногаю, сопроводителю Телебуги, возглавлявшему орду, кочевавшую в западной части южнорусских степей («правое крыло» Золотой Орды)⁶². Видимо, князю следовало согласовать передачу княжества и с Ногаем.

Очень важны и показательны, конечно, факты принуждения русских князей к участию в военных акциях татар. Помимо похода 1287 г. на Польшу те или иные князья Галицко-Волынской Руси участвовали против своей воли, например, в походах на литву в 1277 г., на венгров в 1285 г.⁶³ Разумеется, эти походы и нарушали устоявшиеся отношения русских князей с их соседями, и приводили к грабёжам и убийствам на собственно русской территории (отсюда и замечание об «оскомине» Льва от прихода Телебуги). В сообщениях о такого рода совместных действиях с татарами рефреном звучат слова летописца: «Тогда бяхуть князи русции в воли (вариант: неволь) татарской»⁶⁴.

Вне сомнения, эта «(не)воля татарская» выражалась не только в контроле над княжескими владениями и принуждении князей к походам, но и в сборе налогов — «даней», потребованных у Даниила в ставке Батыя в 1246 г. Собственно в летописном тексте больше ничего не говорится по этому поводу, но вот в завешании Владимира Васильковича, помещённом в ГВЛ (1288), в перечислении налогов и повинностей населения его земли, находим упоминание: «Аже будет князю город рубити, и [о]ни к городу, а побором и тотарьшиною ко князю»⁶⁵. Очевидно, «татарщина» и являлась этой «данью», которую «хотели» татары. Существенно при этом указание, что дань должен собирать князь. По крайней мере, в тот момент ордынских чиновников, ответственных за сбор налогов, во Владимиро-Волынском княжестве не было.

Разумеется, в каких-то случаях князья могли использовать или пытаться использовать сложившуюся систему зависимости от Орды в своих интересах. Так, на ханский авторитет оперлись сначала Владимир Василькович, а затем наследовавший ему Мстислав Данилович, противодействуя захватническим планам Льва и Юрия. С другой стороны, и сам Лев обращался к татарской помощи, воюя с соседями (например, в 1275 г. против литвы или в 1280 г. против поляков)⁶⁶. Насколько можно судить по отрывочным данным по истории Галицко-Волынской Руси после 1290 г. (когда заканчивается ГВЛ), эта система

⁶¹ Там же. Стб. 898. На одобрение завешания татарами Владимир указывал и позднее в переговорах с родственниками: Там же. Стб. 929.

⁶² См. текст записи: *Столярова Л.В.* Свод записей, художников и переплётчиков древнерусских пергаменных кодексов XI—XIV вв. М., 2000. С. 144—145 (здесь несохранившаяся рукопись передатирована 1287 г., но едва ли обоснованно). О Волынской Кормчей см.: *Шапов Я.Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII в. М., 1978. С. 209—213.

⁶³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 876, 888.

⁶⁴ Там же. Стб. 872, 881, 888, 892, 893, 897.

⁶⁵ Там же. Стб. 903—904.

⁶⁶ Там же. Стб. 871—872, 881.

сохранялась, несмотря на то что конфигурация княжеских владений менялась. Изменения эти, впрочем, обозначаются лишь пунктирно.

Мстислав Данилович, несмотря на успешные действия в 1289 г., не сыграл в истории своей земли сколько-нибудь существенной роли: он умер на рубеже XIII—XIV вв.; у него остался сын, но как владетельный князь он неизвестен. Возможно, уже его брат Лев снова объединил в своих руках Волынь и Галичину. В любом случае, через несколько лет после смерти Льва (конец 1299 — начало 1300 г.) его сын Юрий выступил правителем всей Галицко-Волынской Руси⁶⁷. Скорее всего, ему принадлежала печать, не сохранившаяся сегодня, но читавшаяся ещё в начале XIX в. Она выполнена по западноевропейскому образцу, и титул владельца звучал так: «*Dominus Georgius Rex Russiae / Princeps Ladimiriae*» (соответственно, на лицевой и обратной сторонах печати)⁶⁸. Второй титул указывает на важность обретения Владимирской земли для князя, чьей «отчиной» была Галицкая земля и только часть Волыни.

Королевскому титулу *rex* Юрия Львовича едва ли стоит придавать особое значение (как это иногда делается в литературе)⁶⁹, поскольку латиноязычные соседи Галицко-Волынской Руси традиционно именовали русских князей таким титулом. Гораздо важнее представляется его акт церковной политики — очевидно, по его инициативе в 1303 г. возникла особая Галицкая митрополия, куда вошли Галицкая, Владимиро-Волынская, Луцкая, Холмская, Перемышльская и Туровская епархии. Вполне вероятно предположение⁷⁰, что установление новой митрополичьей кафедры стояло в связи с бегством митрополита Максима в 1299 г. из Киева во Владимир-Залесский из-за «татарского насилия»⁷¹. Конечно, это событие свидетельствовало о политических амбициях князя, объединившего свою «отчину и днину»⁷². Но важно также, имея в виду историческую перспективу, видеть в образовании митрополии, которая стала называться «Малой Русью» (впервые в делопроизводстве Константинопольского патриархата — Μικρὰ Ῥωσία), свидетельство и обозначившегося коренного расхождения путей развития юго-западных и северо-восточных земель Древней Руси. В начале этого расхождения стояло «татарское насилие», сохранявшее значение важнейшего политического фактора для Галицко-Волынской Руси и в начале XIV в.

Если верить позднейшему свидетельству Яна Длугоша, Юрий Львович умер в 1308 г.⁷³ Во всяком случае, в 1315 г. Галицко-Волынской Русью правили уже его сыновья Андрей и Лев. Видимо, они поделили Волынь и Галич (Андрею и

⁶⁷ См. об этом периоде: *Исаевич Я.Д.* Галицко-Волынское княжество в конце XIII—XIV вв. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1987 г. М., 1989. С. 71—77.

⁶⁸ *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. IV. М., 1992. С. 260. Ср. о печати: *Купчинский О.* Акти та документи Галицько-Волинського князівства XIII — першої половини XIV століть. Дослідження. Тексти. Львів, 2004. С. 147—148.

⁶⁹ Ср.: *Войтович Л.В.* Галицько-Волинські етюди. Біла Церква, 2011. С. 319—320.

⁷⁰ *Скоцилас І.* Галицька митрополія XIV — першої половини XV століть: особливості еkleзіального, правового та суспільного статусу // Княжа доба: історія і культура. Вип. 4. Львів, 2011. С. 252 і след.

⁷¹ ПСРЛ. Т. 1. Л., 1926—1928. Стб. 485. О дате см.: *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 122.

⁷² Оценка в таком духе, например: *Исаевич Я.Д.* Галицко-Волынское княжество... С. 76.

⁷³ Доверяет Длугошу и Д. Домбровский: *Dąbrowski D.* Rodowód Romanowiczów... S. 197—204.

Льву соответственно), но координировали политику⁷⁴. Сохранилось несколько латинских грамот от их имени с печатями, где они называют себя «*Dei gratia duces totius terrae Russiae Galiciae et Lademiriae*»⁷⁵. Благодаря этим грамотам кое-что проясняется в их внешней политике, но о внутренней неизвестно почти ничего. Неизвестны и обстоятельства их гибели, хотя этот момент стал роковым в истории Галицко-Волынской Руси, поскольку они не оставили наследников и с их смертью династия Романовичей (в мужской линии) пресеклась. Об этих обстоятельствах возможны только догадки⁷⁶, в основном опирающиеся на письмо польского короля Владислава Локетка папе Иоанну XXII 21 мая 1323 г., в котором польский король сообщал о смерти князей.

В этом письме ключевыми являются следующие слова: «*Intimamus, quod duo ultimi principes Ruthenorum de gente schismatica, quos immediatos pro scuto inexpugnabili contra crudelem gentem Tartarorum habebamus, decesserunt ex hac luce: ex quorum interitu nobis et terris nostris ex vicinitate Tartarorum, quos de certo credimus, terram Ruthenorum nostris metis contiguam, de qua annua tributa percipere consueverunt, occupare, perturbatio indicibilis, nisi Dei omnipotentis et vestra gratia affuerit, imminebit*»⁷⁷ — «Сообщаем, что два последних князя Руси из рода схизматиков, которые были для нас непосредственным несокрушимым щитом против жестокого народа татар, покинули этот мир: вследствие их гибели несказанное бедствие погубит нас и нашу землю из-за соседства татар, которые, как мы уверены, захватят смежную с нами землю Руси, с которой они, как установилось, взимают ежегодные дани, — если только не спасёт [нас] милость Бога всемогущего и Ваша».

Из этих кратких слов можно сделать несколько выводов. Во-первых, бросается в глаза упоминание о ежегодных даних, каковые Русь платила татарам. Это — свидетельство продолжающейся зависимости Галицко-Волынского княжества от Орды. Во-вторых, польский князь выставляет государство умерших князей «несокрушимым щитом» против татар, представлявших в тот момент основную угрозу западному миру. Именно в этом заключалась важность — по крайней мере для поляков — Галицко-Волынского княжества, выполнявшего роль буферного государства. В-третьих, поскольку Владислав пишет о «гибели» (*interitus*) обоих князей и призывает папу к срочным действиям (объявлению крестового похода), можно думать, что их смерть оказалась неожиданной и могла стать непосредственной причиной татарских нападений. Из последнего можно вывести, что смерть князей была, скорее всего, насильственной и связанной так или иначе с татарами.

Упоминание татар здесь можно сопоставить с их упоминанием в одной из нескольких грамот Андрея и Льва. В 1316 г. князья заключили союз с Орденом, и главным их обязательством было обещание выступать совместно против врагов Ордена; при этом татары обозначены как главный враг. В документе говорилось: «*Terras vestras fideliter praemunire curabimus prae Tataris, dummodo nobis constiterit, et ab hostile quolibet invasore*» — «Будем стараться верно защищать

⁷⁴ Грушевський М.С. Історія України-Руси. Т. III. С. 114—115.

⁷⁵ Купчинський О. Акти та документи...С. 150.

⁷⁶ Ср.: Bieniak J. Wygaśnięcie książąt halicko-włodzimierskich // *Aetas media, aetas moderna*. Warszawa, 2000. S. 392.

⁷⁷ Болеслав-Юрий II... С. 152. На эту фразу часто ссылаются в литературе, но её точного перевода на русский язык до сих пор не было.

вашу страну перед татарами, насколько это от нас зависит, и от любого другого враждебного захватчика»⁷⁸.

Эти данные не оставляют сомнений в важности и актуальности «татарского фактора» в правление сыновей Юрия. Им приходилось платить дань татарам, но, судя по всему, они пытались и бороться против Орды. Борьба закончилась их поражением и вырождением династии Романовичей, однако на этом не закончилась история Галицко-Волынской Руси как отдельного государства. Данный факт можно объяснить только заинтересованностью в существовании этого государства его соседей, прежде всего самой Орды.

К концу 1325 г. в Галицко-Волынской земле представителем мазовецкого (польского) княжеского рода Болеслав Тройденевич⁷⁹. Формально он имел права на эту землю как сын Марии Юрьевны, сестры погибших князей, выданной замуж за Тройдена⁸⁰. Видимо, условием его вокняжения было принятие православия, и в дальнейшем он выступал под именем Юрий. Фактически же его кандидатуру (одну из нескольких возможных) приняли, видимо, в результате договоренности заинтересованных сторон: владимирской и галицкой знати и соседних государств, посчитавших более выгодным для себя сохранение Галицко-Волынской Руси как буферного государства, — Польши, Литвы и Орды. В любом случае, без одобрения Орды вокняжение Болеслава-Юрия не могло состояться. О таком одобрении есть прямое свидетельство — сообщение швейцарского анналиста Иоанна из Винтертура, который, составляя свой труд в 1340-х гг., рассказал о судьбе Болеслава-Юрия. Сообщая о его вокняжении в качестве *rex Ruthenorum*, он писал, что именно «император татар» «обеспечил» Русь этим правителем⁸¹.

Такое решение давало польским и литовским властям определённые преимущества и рычаги влияния. С одной стороны, естественно, польский князь так или иначе тяготел к Польше и вообще к латинскому миру (об этом свидетельствуют и контакты его с папой, и история его женитьбы, и другие факты). С другой стороны, то ли в последние годы правления Юрьевичей, то ли в годы смуты после их смерти Гедимину удалось присоединить к Литве Берестье и Дрогичин, а также посадить на луцкий престол своего сына Любарта⁸². В этой ситуации гибель Болеслава-Юрия в результате придворного заговора надо объяснять недовольством тех или иных автохтонных элементов, видимо, прежде всего элиты Галицко-Волынского княжества. В 1340 г. его отравили, а князем и во Владимире, и в Галиче признали Любарта. Однако на этот раз перемена

⁷⁸ Купчинский О. Акти та документи... С. 151.

⁷⁹ Dąbrowski D. Rodowód Romanowiczów... S. 242—249.

⁸⁰ Недавно была опубликована жалованная грамота от имени Болеслава и его матери, которая, получается, правила на Руси вместе с сыном. Латинский перевод этого акта с древнерусского оригинала сохранился в составе Коронной метрики. См.: Tęgowski J. Okoliczności wstąpienia na tron halicko-wołyński Piasta mazowieckiego Bolesława Trojdenowicza (nieznane dokumenty ruskie z XIV wieku). Dodatek źródłowy // Studia Podlaskie. T. XVIII. Białystok, 2009/2010. S. 325, nr I.

⁸¹ «Imperator Tartarorum... procuravit eis (Ruthenis. — П.С.) christianum Latinum...»: Die Chronik Johannis von Winterthur // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum, Nova Series. T. 3. Berlin, 1924. S. 184; Die Chronik Johann's von Winterthur. Winterthur, 1866. S. 233 (немецкий перевод). Ср. также публикацию этого отрывка: Болеслав-Юрий П... С. 192. Ряд неточностей в рассказе Иоанна не ставят под сомнение основную его информацию. Ср.: Грушевський М.С. Історія України-Руси. Т. III. С. 527—529.

⁸² Каким именно образом это произошло, остаётся непонятным. Ср. версию позднейшего «Летописца великих князей литовских»: ПСРЛ. Т. 35. М., 1980. С. 61, 115.

власти не могла устроить все стороны, прежде всего Польшу, и в 1340-х гг. за Галицко-Волынскую Русь началась долгая и упорная борьба между Польшей и Литвой, закончившаяся исчезновением «королевства Русского» как государства.

В правление Болеслава-Юрия, в чью титулатуру уже вошло обозначение «Малая Русь»⁸³, ещё больше стало ощущаться, как писал М.С. Грушевский, «обособление, отчуждение Галицко-Волынской Руси от остальных земель бывшей Киевской державы, — отчуждение, созданное главным образом клином литовских аннексий и непосредственно зависимых от татар территорий»⁸⁴. И это отчуждение, и вообще падение «королевства Русского» произошли, конечно, прежде всего из-за татар. С момента монгольского нашествия вплоть до падения Галицко-Волынского государство находилось в тяжёлой зависимости от Монгольской империи и затем Золотой Орды. Эта зависимость ослабляла борьбу Руси с западными соседями, а с другой стороны, заставляла видеть в них «меньшее зло» по сравнению с татарами.

Этот вывод подтверждается приведёнными выше данными: и о «даниях» в пользу татар, и о вмешательстве татар в преемственность власти и политику галицко-волыньских князей. Установление зависимости надо датировать как окончательное 1246 г., когда Даниил ездил к Батю, но в принципе её оговаривали раньше. Как свидетельствует жалованная грамота венгерского короля Белы IV, это произошло в переговорах Даниила с каким-то татарским властителем в 1242—1243 гг. Позднее татары, разумеется, не могли легко отказаться от контроля над Галицко-Волынской Русью, и они тоже участвовали в конфликте Польши и Литвы за эти земли в 1340—1370-х гг., хотя из-за ослабления Орды добились немногого. Когда контроль Польши и Литвы над Галицко-Волынской Русью установился, дани в Орду продолжали выплачиваться (хотя, видимо, и нерегулярно), и даже в 1352 г. в польско-литовском договоре предусматривалось участие руси в военных акциях Орды: «Аже поидуть татарове на ляхы, тогда руси неволя поити и с татары»⁸⁵.

Зависимость от Орды была полноценной. На мой взгляд, в споре М.С. Грушевского и И.А. Линниченко, о котором упоминалось в начале статьи, последний прав в том, что призывал отличать «зависимость юридическую от зависимости фактической». Он писал: «Формы юридической зависимости одни и те же на северо-востоке и на юго-западе — подчинение татарам выражается в признании верховной власти хана, утверждении князей на столе, военной помощи татарам по их требованию и в уплате дани. Фактическое исполнение этих условий зависит от степени материальной силы покоренных и покоривших в каждое данное время»⁸⁶. Действительно, практика зависела от конкретных обстоятельств и фактического соотношения сил. Возможно, в какие-то периоды и галицко-волыньские князья могли добиваться облегчения «ига» — так пытался бороться с Куремсой Даниил; не исключено, что после падения Ногай в начале

⁸³ В разных грамотах он выступал с разными титулами, в одной из них (грамоте Юрия II Тевтонскому Ордену 1335 г.) — титул «*Dei gratia natus dux totius Russiae Mynoris*»: *Купчинский О.* Акты та документи... С. 180.

⁸⁴ *Грушевський М.С.* Історія України-Руси. Т. III. С. 122—123.

⁸⁵ Грамоти XIV ст. / Упорядкування, вступна стаття, коментарі і словники-покажчики М.М. Пешак. Київ, 1974. № 14. С. 30.

⁸⁶ *Линниченко И.А.* Указ. соч. С. 110.

XIV в. зависимость ослабела⁸⁷. Но периоды борьбы и облегчения эксплуатации имелись и в отношениях князей Северо-Восточной Руси с Ордой. В главном же — в общих *принципах* — система зависимости была одинаковой.

Выделение каких-либо особых черт в отношениях Галицко-Волынской Руси с монголами, а потом Ордой, более или менее условно. Их акцентирование идёт в ущерб общей картине и наталкивается на возражения. Так, даже в той, в общем убедительной, типологии «вариантов осуществления властвования» монголов (татар) над землями Руси, предложенной А.А. Горским, вряд ли удачным выглядит выделение Галицко-Волынской земли. По его мнению, этот «вариант» имел следующие особенности: «Перепись здесь не проводилась, институт баскачества не утверждался, дань собиралась местными князьями. При этом правители Галицко-Волынской земли активнее, чем князья других земель, использовали как вспомогательная воинская сила в походах на страны, не подчиненные монголам»⁸⁸. Все перечисленные критерии либо условны, либо легко могут быть поставлены под сомнение.

Сведений о монгольской или ордынской переписи в Галицко-Волынской Руси действительно нет, но можно ли делать из отсутствия сведений вывод об отсутствии самого явления? Предположения, конечно, возможны, но только они могут быть и совсем не в том направлении, куда движется мысль Горского. Например, в ГВЛ есть сообщение о том, как в 1287 г. князь Лев Данилович устроил пересчёт населения после ухода татар, устроивших в Галицкой земле плацдарм для войны с поляками: «Сочте, колко погигло в[о] его земле люди, што поимано, избито и што их Б(о)жиею волею изымерло: пол третинадесять тысяче»⁸⁹. Поскольку в домонгольской Руси не вели учёт людей, а учитывали лишь причитающиеся князю сборы с населённых пунктов⁹⁰, то можно предположить, что Лев Данилович в своей переписи опирался на порядок учёта населения, установленный как раз монголами.

Тезис об отсутствии баскаков и сборе дани князьями явно требует уточнений и оговорок. Баскаки зафиксированы источниками в Подолье (Понизье, восточная часть Галицкой земли): к 1250-м гг. относится приведённое выше упоминание баскака в Бакоте, к XV в. — некоторые ретроспективные указания⁹¹. На остальной территории Галицко-Волынской Руси они не упоминаются. Зато в документах конца XIV — XV вв., происходящих как из Галичины, так и с Волыни, отмечены две категории зависимых людей, самими своими названиями свидетельствующие о присутствии когда-то на этих землях татарских чиновников: «ордынцы» и «каланные люди» (от *калан* — основной монгольский натуральный налог⁹²). Данные об этих группах обобщил Г.В. Вернадский⁹³, и его исследования показывают, что указанные люди выполняли функции снабжения и обслуживания монгольской, а затем ордынской администрации. Имея это в виду, вполне можно предположить, что после акций Бурундая конца

⁸⁷ См. предположения такого рода: *Шабельдо Ф.М.* Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Київ, 1987. С. 17—23.

⁸⁸ *Горский А.А.* Утверждение власти Монгольской империи... С. 79.

⁸⁹ Убыль населения, таким образом, составила 12,5 тыс. человек (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 895).

⁹⁰ Ср., например, как отражены княжеские доходы в Уставной грамоте Смоленской епископии 1136 г.: Российское законодательство. Т. 1. М., 1985. С. 213—215.

⁹¹ *Линиченко И.А.* Указ. соч. С. 111.

⁹² *Allsen T.* Op. cit. P. 144 et seq.

⁹³ *Vernadsky G.* Op. cit. P. 255—264.

1250-х гг. баскаки бывали и в Галиче, и во Владимире-Волынском. В грамоте Владимира Васильковича 1288 г. говорится, что «татарщину» собирает князь, а не баскаки. Но ведь и в Северо-Восточной Руси баскачество ввели в 1250-х гг., а потом на рубеже XIII—XIV вв. отменили, сбор дани передали князьям (в разных княжествах, видимо, в разное время)⁹⁴. Разумеется, это не означало исчезновения ордынской администрации как таковой ни в Галицко-Волынской земле, ни в северо-восточных землях — даруги, послы и другие чиновники из Орды «гостили» на Руси и позже.

Не менее условно и сравнение того, как монголы или татары использовали военные силы галицко-волыньских и других русских князей. Точные сравнения крайне затруднены, поскольку мы не располагаем достаточными данными, а летописные сообщения заведомо случайны и неполны. Сам принцип такого использования применялся, безусловно, по отношению ко всем землям Руси. Какие-то колебания в зависимости от локальных условий и обстоятельств, конечно, могли быть; условия Галицко-Волынской Руси были особенны постольку, поскольку она представляла собой «буферную» территорию между татарскими владениями и западно-христианской Европой.

Таким образом, нельзя не согласиться с тем, что были разные «региональные особенности» зависимости Руси от Орды. Но не менее важно, что эта зависимость базировалась на принципах, общих в применении их к разным землям Руси. Аналогичные проблемы русских князей после монгольского нашествия хорошо осознаны и показаны автором «Летописца Даниила Галицкого» в рассказе о поездке Даниила в ставку Батыя. И сама поездка, и условия зависимости Руси от татар, признанные князем, — всё это представлено как «злая честь», «злоба» и «лесть», в конце концов — как «беда», достойная горького «плача». «Радость» могла быть лишь о том, что князь, не чаявший и «живота», избег казни и вернулся подобру-поздорову домой, а население, ему подвластное, смогло избежать прямого господства татар (в каком оказались ряд других областей Руси)⁹⁵. В этом смысле ни Даниил, ни население Галицко-Волынской Руси ничем не отличались от князей и от жителей Владимирского великого княжества.

Напрасно современные украинские историки пытаются превознести независимость и величие «Галицко-Волынской державы», идеализируя «короля Руси» Даниила вслед «Летописцу Даниила Галицкого». Так, В. Александрович и Л. Войтович делают акцент на «усилиях Даниила по устранению монгольского фактора из украинской действительности» и пишут о его «европейской ориентации», противопоставляя Александру Невскому, якобы способствовавшему «утверждению господства кочевников (над Русью. — П.С.) на целые столетия», и заявляя о «его особенном вкладе» «в то, что монгольское присутствие не стало постоянным фактором истории украинских земель»⁹⁶. Эти утверждения говорят о том, что авторы, с одной стороны, недостаточно учитывают особенности «Летописца Даниила Галицкого» как источника сложного по составу и

⁹⁴ См.: *Маслова С.А.* Баскаческая организация на Руси: время существования и функции // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 1(51). С. 27—40; *Маслова С.А.* Монгольская администрация на завоеванных землях: даруги и баскаки // Исторический вестник. Т. 10(157). Монгольские завоевания и Русь. М., 2014. С. 80—109.

⁹⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 808.

⁹⁶ *Александрович В., Войтович Л.* Указ. соч. С. 212—214.

весьма тенденциозного по содержанию, а с другой — отдают дань стереотипам, далёким от объективных оценок деятельности Александра Невского⁹⁷.

Естественно, летописец Даниила выставлял своего героя сильным и независимым и затушёвывал по возможности его неудачи и подчинение «господству кочевников». И вполне понятно, что и он, и позднейший летописец Владимира Васильковича настроены враждебно по отношению к татарам. Но при всём том и в ГВЛ, и в других источниках мы находим явные признаки системы зависимости Галицко-Волынской Руси от Монгольской империи, затем от Орды. Такая же ситуация имеет место и в литературе Северо-Восточной Руси, где прославление «своих» князей сочетается с признанием (иногда молчаливым, но от этого не менее красноречивым) «власти поганых»⁹⁸. В реальности же все русские князья оказались в одних условиях: чтобы выжить, приходилось покоряться.

В целом, в столетие 1240—1340 гг. зависимость от Монгольской империи, потом Орды, была главным фактором, определявшим политическое развитие Галицко-Волынского княжества, как и большинства других земель Руси. Разумеется, это не отменяет того факта, что фактически судьбы некоторых древнерусских регионов постепенно расходились. Именно вмешательство монголов в нормальное развитие Руси привело к «отчуждению» (как писал М.С. Грушевский) и разрыву в развитии разных частей одной политической системы, сложившейся в домонгольское время. Появилось понятие «Малая Русь», которому предстояло большое будущее. К середине — концу XIV в. это расхождение стало осознаваться современниками⁹⁹, что отражало существенные сдвиги не только в политической практике, но и в идентичности населения, называвшего себя русью.

⁹⁷ См. взвешенные оценки деятельности Александра Невского как «расчётливого, но не беспринципного политика», подчинившегося Орде только вынужденно в условиях фактического отсутствия выбора: *Кучкин В.А.* Александр Невский — государственный деятель и полководец средневековой Руси // *Отечественная история*. 1996. № 5. С. 18—33; *Горский А.А.* Русь: от славянского расселения до Московского царства. М., 2004. С. 190—223.

⁹⁸ Наиболее характерно в этом плане «Житие Александра Невского» (включённое во владимиристо-ростовское летописание, представленное в Лаврентьевской летописи). Ср.: *Кучкин В.А.* Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII — первая четверть XIV в.) // *Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн*. Вып. 1. М., 1990. С. 17—22.

⁹⁹ *Флоря Б.Н.* Исторические судьбы Руси и этническое самосознание восточных славян в XII—XV веках. К вопросу о зарождении восточнославянских народностей // *Этническое самосознание славян в XV столетии*. М., 1995. С. 19—21, 32—35.